Вера Геоленовна Болдырева – этномузыколог,
кандидат искусствоведения, доцент кафедры
Музыкального и сценического искусства
Удмуртского государственного университета
(Ижевск, Россия),
bold@udm.ru

Vera G. Boldyreva – ethnomusicologist,
Ph. D. in Art History, Associate Professor
of the Music and Stage Art Department
of the Udmurt State University
(Izhevsk, Russia),
bold@udm.ru

УДК 781.7
DOI 10.61908/2413-0486.2022.30.2.88-103

СЛЕД «ВЕСЁЛЫХ ЛЮДЕЙ» В РУССКОЙ ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ УДМУРТИИ

A TRACE OF *THE MERRY MEN* IN THE RUSSIAN SONG TRADITION OF UDMURTIA

Аннотация

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения связи творчества «весёлых людей» с пластом русского фольклора Удмуртии, восходящего к сфере народной смеховой культуры. Материалы, полученные в результате фольклорно-этнографических экспедиций, позволяют говорить не только о сохранившихся реликтах скоморошьего репертуара, но и о проникновении особых смеховых приёмов, выработанных бродячими актёрами, в русскую песенную традицию позднего формирования. В статье также рассмотрены вопросы межэтнического характера, касающиеся русско-удмуртских связей.

Abstract

The present article attempts to consider the connection of the creative work of *merry men* with the layer of Russian folklore of Udmurtia, which goes back to the culture of folk humor. The materials acquired as a result of folklore-ethnographic expeditions suggest not only the preserved relics of skomorokh repertoire but also the penetration of special laughter techniques developed by strolling players into the

Russian song tradition of late formation. The article also discusses the issues of interethnic nature concerning Russian-Udmurt relations.

Ключевые слова: скоморохи, смеховая культура, Удмуртия, плясовые песни, небылицы, сольная традиция

Keywords: skomorokhi, laughter culture, Udmurtia, dance songs, tall tales, solo tradition

«Весёлые люди», «бродячие актёры», «умные дураки» – так в разное время и в разных местностях называли скоморохов, этих удивительных людей, являющихся главными носителями смеховой культуры на Руси. Существует целый ряд работ, посвящённых периоду расцвета, упадка и гонений скоморохов после царского Указа о полнейшем запрете скоморошества в 1648 году. Прослежены и пути их бегства от преследований, которое происходило несколькими потоками, преимущественно на север, а потом ещё дальше – на Урал и в Сибирь [10, с. 481].

Известный исследователь фольклора Среднего Урала Татьяна Ивановна Калужникова отмечает: «Среди русских переселенцев, пришедших на средний Урал в XVII в., было немало скоморохов. Одно из первых известных нам упоминаний о скоморохах на Урале содержится в “Памяти” верхотурского воеводы Рафы Всеволжского приказчику Ирбитской слободы Григорию Бабырину, предписавшей во исполнение царского указа 1648 г. запретить непристойные игрища, а домры, сурны, гусли, гудки и другие “гудебныя бесовские сосуды”, принадлежавшие скоморохам, изломать и сжечь» [10, с. 481]. Приток скоморохов на Урал остаётся достаточно активным на протяжении XVII–XVIII вв., отчего они становятся «привычными фигурами любого уральского уезда» [7, с. 21]. Существует и другая точка зрения на время появления скоморохов на этой территории. А. А. Морозов считает, что «проникновение скоморохов на Урал, а затем в Сибирь, началось не в

результате гонения на них в 1648–1650 гг., а раньше, и шло с общим потоком переселенцев, двигавшихся туда преимущественно из Поморья» [8, с. 66].

В любом случае, путь скоморохов с Русского Севера на Урал должен был пролегать по территории севера современной Удмуртии, русское население на которой начало появляться ещё с начала XIII века. «Русское население на севере Удмуртии появилось с начала XIII века. Многие жители Владимирско-Суздальской и Нижегородской земли спасались тогда от монголо-татарского нашествия в глухих вятских лесах, где были свободные земли, и жило немногочисленное миролюбивое коренное население. Вятская земля вскоре оказывается в подчинении нижегородско-суздальских князей, а в 1489 году все вятчане, в том числе северные удмурты, признают верховную власть великого князя московского. Формальное присоединение всех удмуртов к Русскому государству завершилось к 1558 году. С этого времени начинается государственная колонизация удмуртской территории. Самые мощные волны переселенцев из разных русских земель относятся к XVIII–XIX векам и связаны со строительством железоделательных заводов на Вотке и Иже. Русские поселения возникали на свободных территориях, но очень часто вблизи удмуртских деревень» [5, с. 7].

В начале XVIII века в целях улучшения связи европейской части России с Сибирью интенсивно обустраивается знаменитый Сибирский тракт. Эта дорога сыграла исключительную роль в экономическом, социальном и, как мы сможем убедиться, в культурном развитии территории [9]. Мы предполагаем, что именно по Сибирскому тракту прошли в своё время скоморохи и их потомки, подвергавшиеся ещё долгое время гонениям и преследованиям.

Помимо предположений, мы основываемся на косвенных данных, полученных в результате фольклорно-этнографических экспедиций, проведённых в разные годы на территории Удмуртии и открывших исследователям целый пласт культуры, в котором угадывается след «весёлых людей».

Татьяна Ивановна Калужникова применительно к средне-уральской песенной традиции отмечает: «Связи с творчеством скоморохов характерны и для музыкально-поэтических текстов, восходящих к сфере народной смеховой культуры (плясовые песни). Кроме того, со скоморошеской культурой исследователи соотносят бытование в прошлом на уральских землях эпических жанров (былины, скоморошины), а также комплекса инструментальной культуры» [7, с. 22].

О распространении на территории современной Удмуртии эпической традиции говорить сложно, но всё же нами обнаружен уникальный образец фольклора, в котором угадываются черты скоморошин[1]. «Большая часть скоморошьих старин <…> отличается не только своим шутливым содержанием, но и складом и быстрым, весёлым напевом; меньшая же часть их <…> при шутливом содержании по складу и напеву сходна со серьёзными старинами, но эта противоположность между содержанием старины и её внешностью вместе с тоном напева также приводит слушателей в весёлое настроение» [6, с. 24–25].

Зачин найденного нами образца по оборотам речи («Не во городе, не во Глазове»), тонический ритм стиха «выдаёт» в нём эпическую традицию сказывания, типичную для былин.

Не во городе, не во Глазове[2],
Не велят муравьям не прясть, не ткать,
А только велят: собирайтеся, суряжайтеся.

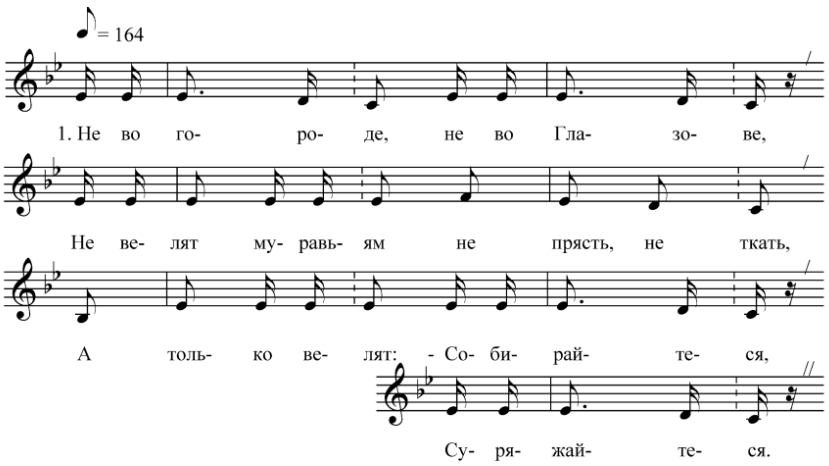
В музыкальном отношении можно отметить следующие особенности: постоянное варьирование мелодических отрезков, разворачивающихся в целом в пределах квинты; постоянное смещение опорного тона (см. пример

[1] «Скоморошина – термин без точных границ, которым пользуются для определения различных видов русского песенного (стихотворного) фольклора с явно выраженным сатирическим, комическим, шутейным, пародийным началом, с откровенной установкой рассмешить, позабавить слушателей, высмеять отдельные явления жизни» [12].
[2] Глазов – город в Удмуртии.

№ 1). Мы связываем эти проявления нестабильности с особым способом интонирования, о котором речь пойдёт ниже.

Пример № 1

Не во городе, не во Глазове[3]



Говоря о проникновении скоморошьего инструментария на территорию Удмуртии, в первую очередь необходимо привести сведения, полученные В. А. Альбинским [1] и И. В. Пчеловодовой[4] о бытовании в Воткинском и Глазовском районах излюбленного скоморохами гудка. О его присутствии свидетельствует и встреченное автором этих строк в одной из экспедиций в г. Воткинск слова *возгудали*, которое исполнительница применила относительно самого процесса пения.

Если намёки на присутствие инструментальной скоморошьей традиции и скоморошин являются единичными, то «весёлых песен» на территории Удмуртии было обнаружено немало.

По свидетельствам информантов, на посиделках, вечёрках и праздниках всегда присутствовали люди, выделяющиеся особым мастерством при создании атмосферы веселья, праздника.

[3] Скоморошина. Зап. Г. Э. Кожевникова в 2003 году в п. Игра от Е. И. Кустарниковой 1939 г. р.
[4] Из личной беседы.

В каждой деревне был свой шутник, – человек, выделяющийся из толпы, который веселил народ своими *присказульками.* «*А тогда знаете, в деревне всегда есть шутники. Вот есть такие, от Бога даны, как говорится, им вот дан такой вот фольклор. Вот они присказульки всякие, песни, частушки пели всё это, кто смешнее, кто как*» (Любовь Михайловна Анисимова, д. Колногоры Вавожского р-на).

Именно от них, от *ранешних песельниц*, имеющих признание в деревне в старые времена, наши исполнительницы переняли самобытный багаж весёлых песен. Елизавета Ивановна Кустарникова из деревни Калмыки Игринского р-на вспоминает, что «…*петь научилась от Столбовой Надежды Яковлевны – певуньи, которая уже умерла. Кормили вместе свиней да овец, ходили лён рвать да пели всё, когда-то оставались нянчить детей… И на вечёрку собирались в большой избе: вдоль пола – мужская лавка, поперёк пола – женская*».

По поэтическому содержанию плясовые песни, ведущие своё происхождение от скоморошьего фольклорного комплекса, отражают признаки архаического карнавального смеха. «Особое качество скоморошеского карнавального смеха – его “весёлый пессимизм”, отражающий, кроме прочих смыслов, призрачность, относительность и неразрывную связь двух жизненных миров “разумных дураков” – реального и смехового. Суть “весёлого пессимизма” иногда определяют термином “камариада”, мыслимым как область народной поэзии, в которой буйные порывы бесшабашного разгула сочетаются с тоской и отчаянным смехом над собственным безысходным состоянием. Многие тексты такого рода складываются из относительно самостоятельных сюжетных мотивов, не связанных друг с другом, что сближает их с более поздним жанром – частушкой» [7, с. 119].

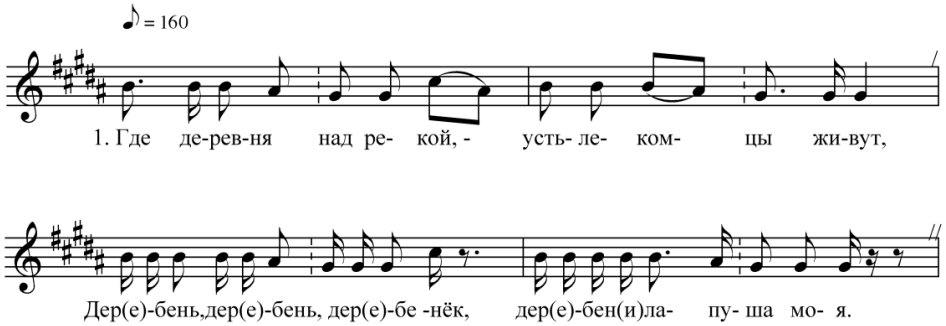
Рассмотрим тексты этих «весёлых» песен, которые группируются нами следующим образом:

1. Тексты с включением прозвищ жителей разных населённых пунктов Удмуртии.

В Ярском районе записана песня, включающая характеристики жителей деревень, расположенных вдоль Сибирского тракта (см. пример № 2). Начиная с д. Усть-Лекма, в песне идут упоминания о ещё девяти населённых пунктах. Мария Павловна Наговицына, исполнившая эту песню, прокомментировала: «*Исполняли сами женщины. Они идут до Низево*». На карте территории современной Удмуртии ни Низево, ни ещё семи деревень, упоминаемых в тексте, сейчас уже не существует.

Пример № 2

Частушки[5]



Филологи относят такого рода тексты к *географическим* песням. Этот термин, введённый в оборот Владимиром Николаевичем Калуцковым, оказывается применимым к песням, содержащим тексты-оценки, тексты-описания того или иного культурного ландшафта. Реликты русских географических песен зафиксированы на территориях Удмуртии, сопредельных с Кировской областью: Ярском, Селтинском районах, а также Малмыжском районе Кировской области.

Существует такое явление и у удмуртов. Примером может служить песня, записанная в д. Среднее Шадбегово Игринского р-на. Анализируя текст песни, мы пришли к выводу, что выбор «хорошо» или «плохо» спеть, связан с

[5] Зап. Т. Г. Абрамова в 2012 году в с. Елово Ярского р-на от М. П. Наговицыной 1924 г. р.

архаичными представлениями о принадлежности к тому или иному роду (*Воршуду*). «Свои» деревни характеризуются эпитетами: *Жингрес гуртэ Зурие* («Звонко поющая деревня Зура»), *Коштан гуртэ Сотьпие* («Модная деревня Сетпиево»), *Шулдыр гуртэ Мувырэ* («Весёлая деревня Мувыр») и т. д. Деревни «чужие» получают очень нелестные характеристики: *Шузи гуртэ Беризё* («Придурковатая деревня Березе»), *Штаньтэм гуртэ Зантэмыр* («Бесштанная деревня Зантэмыр»), *Люкыр лякыр Люквыре* («Шатающаяся деревня Люквыр») и т. д. В данном случае «смеховая» идентификация служит своеобразным маркером при разделении сообществ на «своих» и «чужих». Пытаясь разобраться в создавшейся оппозиции, мы обратились к труду Михаила Гавриловича Атаманова об удмуртских воршудах [2], но дифференциация по принадлежности к тому или иному роду себя не оправдала. Более того, картографировав названия деревень, мы убедились в их ориентации на главную артерию территории – Сибирский тракт. Учитывая это обстоятельство, а также явную ориентированность по форме и мелосу на русскую песенную традицию и ситуацию исполнения – во время вечёрок, – мы сделали вывод об её более позднем происхождении, сформированной под влиянием аналогичных русских песен.

2. Небылицы.

«Поэтическое содержание небылиц определяется формулой – “…то, чего не может быть”, представляя слушателям возможность мысленно поставить всё на “свои места”, оценив по достоинству остроумие и комизм перемещения привычных понятий <…> Из повсеместно встречающихся в поэзии небылиц сюжетных звеньев наиболее типичны следующие: человек запрягает в дровни мать и жену; животные и птицы выполняют несвойственные им действия; неодушевлённые предметы наделяются чудесными свойствами» [8, с. 514].

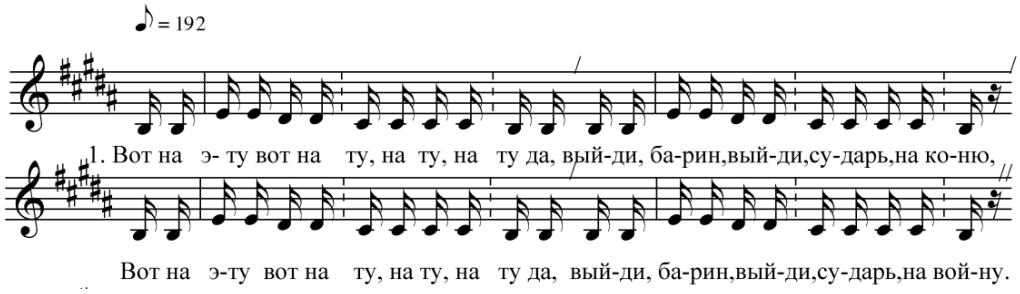
Ой, тёща к зятю шла, да
Пестерь пирогов несла.
Ещё курицу не жаренную,
Поросёнка нетребленного.

Ой, да ещё где это слыхано,
Ой, где это видано?
Чтобы курица барана родила,
Поросёнок яичко снёс,
Мужик ребёнка принёс.

Тематика этой группы песен простирается от «перевёртышей» («Бабушка Еленка»), лирических образов («У колодца воду черпала») до саркастической издёвки («Как на улице Вараваринской»). В музыкальном отношении – это, как правило, многочисленные варианты «Камаринской» со стихом типа 2.3.4 (см. пример № 3).

Пример № 3

Вот на эту, вот на ту…[6]



При работе с архивными записями обратила на себя внимание песня, в которой в качестве рефрена перечисляются названия месяцев:

Как по речке-речке,
Плыли три дошечки,
Январь, февраль, март, апрель,
Плыли три дошечки.

На наш взгляд, в этом перечислении есть сходство с «перговорами», о которых в своё время писала Маргарита Анатольевна Енговатова [11].

Другая версия появления подобного перечисления связана с бытованием аналогичного ряда в архаичных напевах (гол*о*сах) удмуртов. Так, *рекрут голос* содержит перечисление дней недели:

[6] Присказульки. Зап. Г. Э. Кожевникова в 2003 году в п. Игра от Е. И. Кустарниковой 1939 г. р.

Понедельник, во вторник,
Середа, четверик
Пятница, суббота,
Воскресень нунал вал.

3. Песни, в текстах которых содержится звукоподражание инструментальной музыке «весёлых».

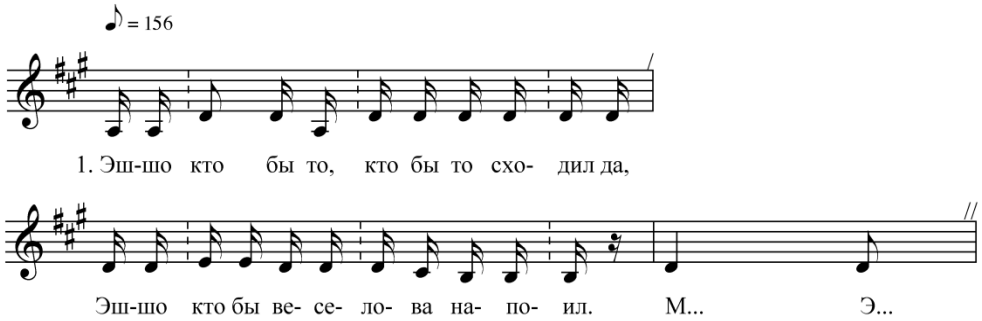
Многие из скоморохов умели играть на музыкальных инструментах: гуслях, гудках, домрах, бубнах, балалайках и т. д. *Песельницы* на территории Удмуртии заменили музыкальные инструменты пением *под язык*. В песне «Я на бочке сижу» исполнительница изображает проигрыш между куплетами, голосом имитируя балалайку. Возможно, что этот приём когда-то был привнесён самими скоморохами:

Я на бочке сижу,
Бочка вертится.
Туна-рина, туна-рина,
Туна-рина Марина.

В следующей плясовой песне (см. пример № 4), архаичный текст которой содержит упоминание и о самих скоморохах, обращают на себя внимание звуки «м…, э…», которые, возможно, имитируют музыкальный инструмент.

Пример № 4

Эшшо кто бы то, кто…[7]



[7] Небылица. Зап. О. М. Мединцева в 1996 году в д. Сепож Игринского р-на от Л. Ф. Никитиной (Булдаковой) 1927 г. р.

Эшшо кто бы …… его сходил да,
Эшшо кто бы весёлого напоил.
М…э…
Эшшо кто бы весёлого напоил да,
Весёлой про неволюшку сказал.
М…э…

4. Песни, содержащие *фамильярно-площадную речь* (термин М. Бахтина).

Тексты этой группы содержат сквернословие и явно выраженный эротический подтекст, хотя сами скоморохи всегда пытались завуалировать его истинный смысл (см. пример № 5).

Пример № 5

Я морковки захотела[8]

♩ = 128

1. Я мор-ков-ки за- хо- те- ла, и на ры- но- чек пош- ла,

Э, ну= ка, что за шту-ка, я на ры- но- чек пош- ла.

Как правило, исполнители не допевают такого рода песни до конца, в нашей же ситуации певица прокомментировала: *урожай хороший значит был…* и засмеялась.

Отдельно хочется остановиться на исполнительских традициях *песельниц.* Темп, в котором чудесным образом звучат все эти *присказульки*, *припевки,* шуточные песни, *игры под язык,* в большинстве случаев оказывается подвластен только им, хранителям, носителям скоморошьей культуры. Удивительно, но при таком способе исполнения текст всегда остаётся понятным, поскольку разговорно-декламационная артикуляция не

предполагает долготы звука. Интонирование оказывается настолько кратковременным, что иногда слушатели не успевают его зафиксировать, в результате чего возникает ощущение нефиксированного пения. Такое воспроизведение, при котором используется и игра голосом, и темповые отклонения, и свободные импровизации, полностью исключает ансамблевое исполнение, то есть в самой природе этих образцов заложено заведомо сольное исполнение.

Можно выделить и некоторые особенности поведения *песельниц* во время исполнения:

– при помощи поворотов и жестикуляции «охватить каждого и в то же время ещё с теми связаться»;

– потрясывание или покачивание корпуса в ритме пения;

– переходы на говорение и комментирование текста;

– усиленная жестикуляция, притопы и повышенная интонация в голосе на кульминационных точках эпического текста.

Иногда во время пения *песельницы* могут подключать инструменты, в основном шумовые (ложки, противни и др.). «*Эта всё плясали под язык. А я возьму заслон ли, поднос. Возьму вилку да наяривала. Пела и плясали под эта*» (Л. М. Анисимова, д. Колногоры Вавожского р-на).

По воспоминаниям Тамары Александровны Стрелковой, её мама использовала эти предметы не только в качестве музыкально-шумовых, но и в качестве трюковых: «*Противень отпустит, как будто он падает, а сама ловит его, топнув по нему ногой. Её и на свадьбу веселить приглашали, и на другие праздники, а сама она очень любила рассмешить детей, часто подшучивала над ними*» (Т. А. Стрелкова, с. Зура Игринского р-на).

В смеховой культуре более позднего формирования также угадываются черты, заложенные в своё время скоморохами. Так, можно привести пример

[8] Шуточная. Зап. О. М. Мединцева в 1996 году в д. Сепож Игринского р-на от Л. Ф. Никитиной (Булдаковой) 1927 г. р.

широко распространённой на территории Среднего Прикамья песни «Кума с кумой выходила», которую поют при выносе *курника* (свадебного пирога) (см. пример № 6). Количество продуктов, заявленных в тексте песни, явно гиперболизировано, что позволяет обнаружить связь со сходными приёмами из репертуара «весёлых людей».

Полтора пуда муки,
Полтора ведра сметаны,
Полтора-два фунта масла,
Полтораста бито яис,
Полтора кила конфет,
Полтора пуда изюму,

Гиперболизация и даже эротические коллизии проявляются и в следующем мотиве, связанном с «побегом» курника и превращением его в «коня»:

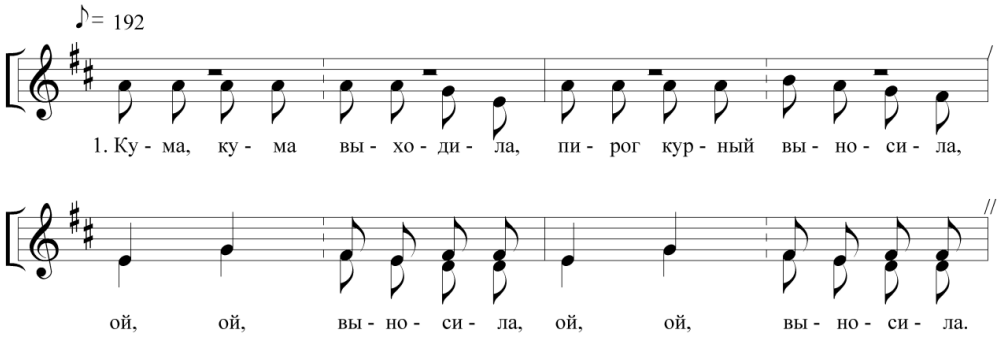
Пирог в печке-то заржал,
В чисто полё убежал,
С чиста поля убежал,
Пятьдесят кобыл загнал,
Пятьдесят кобыл с кобылкой.
Одна сивая кобыла,
Наперёд хвостом ходила,
Сзади голову носила.

Проведённый анализ песенного материала территории Удмуртии подтвердил гипотезу о том, что выделенный нами пласт фольклора содержит в себе песни, генетически связанные со скоморошьей традицией. «Реликты культуры скоморохов обнаруживаются в фольклоре Среднего Прикамья в самых разнообразных формах – от употребления скоморошьей лексики (скомороший инструментарий, излюбленные персонажи, различные профессиональные термины) до приёмов смеховой культуры» [3, с. 66].

Кроме того, скомороший «след» угадывается и в особенностях звукового поведения исполнительниц и, что нам показалось особенно важным, предопределил сольную традицию исполнительства.

Пример № 6

Кума к куме выходила[9]



Таким образом, не располагая документальными данными о присутствии на исследуемой территории «весёлых людей», мы нашли их «след» в русской традиционной культуре Удмуртии. Кроме того, как отмечают в своих работах исследователи [3; 4], скоморохи внесли определённый вклад в формирование основ русской песенной традиции Удмуртии. Важно отметить, что уникальный пласт фольклора скоморохов был воспринят удмуртским этносом, и некоторые его образцы удмурты считают своими.

Самобытный скомороший репертуар, который оставили нам в наследство «весёлые люди», и сегодня звучит в исполнении современных фольклорных ансамблей, расширяя круг любителей задорного, весёлого смеха.

Литература

1. Альбинский В. А. Сивинский «скрипач» И. М. Устинов. К вопросу о традициях гудошного исполнительства и промысла в современном фольклоре Урала // Бытование фольклора в современности (на материале экспедиций 60–80-х годов): сб. науч. тр. / под ред. Н. В. Чапаева. Свердловск, 1983. С. 138–147.
2. Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001. 216 с.
3. Болдырева В. Г., Толкачева С. В. Русская свадьба Среднего Прикамья / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Изд-во «Шелест», 2018. 302 с.
4. Болдырева В. Г., Стародубцева С. В. Традиции скоморохов в Удмуртии // Скоморошина: материалы IV регион. научно-практич. конф. «Вятский фольклор.

Традиции и современное бытование народного юмора и сатиры» / отв. ред. В. А. Поздеев. Киров, 1997. С. 66–70.
5. Владыкин Вл. Е. Мелодия небесной росы // Памятники Отечества. 1995. № 1 (33): Полное описание России: Удмуртия. М.: Сов. Россия, 1995. С. 4–9.
6. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899–1901 гг. / под ред. А. А. Горелова. СПб., 2002. Т. 1. 707 с.
7. Калужникова Т. И. Песенная традиция населения среднего Урала: учеб. пособие для студ. муз. вузов / Урал. гос. консерватория им. М. П. Мусоргского. Екатеринбург, 2005. 200 с.: нот.
8. Морозов А. А. К вопросу об исторической роли и значении скоморохов // Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976. Т. XVI. С. 35–67.
9. Роготнев П. В. Государева дорога // Памятники Отечества. 1995. № 1 (33): Полное описание России: Удмуртия. М.: Сов. Россия, 1995. С. 48–51.
10. Уральская историческая энциклопедия / УрО РАН. Ин-т истории и археологии; [гл. ред. В. В. Алексеев]. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. 621 с.
11. URL: https://inslav.ru/publication/golos-i-ritual-materialy-konferencii-may-1995-g-m-1995.
12. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/скоморошина.

References

1. Al'binskij V. A. Sivinskij “skripach” I. M. Ustinov. K voprosu o tradicijah gudoshnogo ispolnitel'stva i promysla v sovremennom fol'klore Urala [Fiddler from Siva I. M. Ustinov. Revisiting the Traditions of Gudok Performance and Craft in Contemporary Ural Folklore]. *Bytovanie fol'klora v sovremennosti (na materiale jekspedicij 60–80-h godov): sb. nauch. tr.* [Folklore Existence in Modern Times (based on the Materials of the 60-80s Expeditions), Collection of Scientific Works]. Edited by N. V. Chapayev. Sverdlovsk, 1983, pp. 138–147.
2. Atamanov M. G. *Po sledam udmurtskih vorshudov* [In the Footsteps of the Udmurt Vorshuds]. Izhevsk: Udmurtija, 2001. 216 p.
3. Boldyreva V. G., Tolkacheva S. V. *Russkaja svad'ba Srednego Prikam'ja* [Russian wedding of the Middle Kama region]. UIIJaL UdmFIC UrO RAN. Izhevsk: Izd-vo “Shelest”, 2018. 302 p.
4. Boldyreva V. G., Starodubceva S. V. Tradicii skomorohov v Udmurtii [Skomorokh Traditions in Udmurtia]. *Skomoroshina: materialy IV region. nauchno-praktich. konf. “Vjatskij fol'klor. Tradicii i sovremennoe bytovanie narodnogo jumora i satiry”* [Skomoroshina: Proceedings of the 4th Regional Research-to-Practice Conference Vyatka Folklore. Traditions and Contemporary Existence of Folk Humor and Satire]. Editor-in-chief V. A. Pozdeev. Kirov, 1997, pp. 66–70.
5. Vladykin Vl. E. Melodija nebesnoj rosy [Melody of the Heavenly Dew]. *Pamjatniki Otechestva. 1995. № 1 (33): Polnoe opisanie Rossii: Udmurtija* [Monuments of the

[9] Свадебная. Зап. В. Г. Болдырева, Ю. А. Мальцева в 2008 году в с. Тарасово Сарапульского р-на от А. В. Вострецовой 1944 г. р., В. В. Осининой 1929 г. р.

Fatherland. 1995. No. 1 (33): Complete Description of Russia: Udmurtia]. Moscow: Sov. Rossija, 1995, pp. 4–9.

6. Grigor'ev A. D. *Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye v 1899–1901 gg.* [Arkhangelsk Bylinas and Historical Songs Collected in the 1899–1901]. Ed. by A. A. Gorelov. St. Petersburg, 2002. Vol. 1. 707 p.
7. Kaluzhnikova T. I. *Pesennaja tradicija naselenija srednego Urala: ucheb. posobie dlja stud. muz. vuzov* [Song Tradition of the Middle Urals Population: Textbook for Music Students]. Urals Mussorgsky State Conservatoire. Ekaterinburg, 2005. 200 p.
8. Morozov A. A. K voprosu ob istoricheskoj roli i znachenii skomorohov [Revisiting the Historical Role and Significance of Skomorokhi]. *Russkij fol'klor: Istoricheskaja zhizn' narodnoj pojezii* [Russian Folklore: Historical Life of Folk Poetry]. Leningrad, 1976. Vol. XVI, pp. 35–67.
9. Rogotnev P. V. Gosudareva doroga [The Sovereign's Road]. *Pamjatniki Otechestva*. [Monuments of the Fatherland]. 1995. No. 1 (33): Polnoe opisanie Rossii: Udmurtija. Moscow: Sov. Rossija, 1995, pp. 48–51.
10. *Ural'skaja istoricheskaja jenciklopedija* [Ural Historical Encyclopedia]. UrO RAN. In-t istorii i arheologii; [gl. red. V. V. Alekseev]. Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1998. 621 p.
11. URL: https://inslav.ru/publication/golos-i-ritual-materialy-konferencii-may-1995-g-m-1995.
12. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/skomoroshina.